

МАКС ВЕБЕР О РОССИИ В 1906-1918 гг.¹

В статье рассматривается отношение к России выдающегося социолога Макса Вебера. Автор показывает, когда зародился интерес ученого к России, когда состоялись его первые выступления в ракурсе русской темы. В годы первой русской революции вышли работы Вебера, где он писал о незрелости России для конституционной реформы, ввиду отсутствия традиции свободы. Между двумя революциями, размышляя над этой проблемой, Вебер склонялся к тому, что в России парламент и конституция не имеют значения. В годы Первой мировой войны его позиция ужесточилась: в России он видел угрозу Германии и мировой культуре, обвиняя Россию в экспансионизме. После Февральской революции 1917 г. Вебер предлагал для утверждения демократии в России немедленно начать переговоры о мире. По завершении мировой войны он именно в России видел ее главного виновника.

Ключевые слова: *Макс Вебер, Россия, Германия, традиции свободы, Первая мировая война*

Исследования великого немецкого социолога Макса Вебера (1864–1920) отличались широтой и разнообразием тематики. Россия впервые попала в сферу интересов ученого в 1905 г.² Что лежало в основе интереса Вебера к России, как менялись его оценки, какие аспекты критики российской действительности выходили на первый план в тот или иной период европейской истории?

Вебер о России в годы Первой русской революции

Находясь в начале 1905 г. в Гейдельберге, Вебер постоянно сталкивался с русскими студентами и представителями российской интеллигенции. Когда в России в 1905 г. началась революция, ее события стали обсуждаться в Гейдельберге в рамках «Национал-социального союза», основанного Фридрихом Науманом. На заседании Союза 5 июня 1905 г. коллега Вебера географ Альфред Хеттнер выступил с докладом «Европейская часть России. Народ, государство, культура». В свете последних российских событий тема обретала особую важность. В 1897 г. Хеттнер посетил Россию, его интересовали география и культурное развитие страны. В своем докладе ученый отметил сильное влияние византийской культуры на Россию и последствия монголо-татарского ига. По его мнению, это предопределило склонность российских элит к деспотии, экспансионистской политике, экономическому изоляционизму и стало

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда и Немецкого научно-исследовательского сообщества, проект № 19-48-04112 «Русский республиканизм от Средневековья до конца XX в.».

² В качестве методологии используется ценностный подход М. Вебера, который определяет отношение актора к тем или иным событиям, их интерпретацию. Л. Козер отмечал, что выбор «ученым конкретной проблемы и уровень научного объяснения, к которому он стремится, как утверждает Вебер, зависит от ценностей и интересов исследователя. Выбор проблем исследования всегда является “ценностно-зависимым”» (Козер 2006: 73).

причиной запутанных политических отношений и низкого уровня экономического развития страны. В дискуссии по данному докладу Вебер продемонстрировал осведомленность в российских делах, затронув недавно опубликованную П. Струве в Париже программу партии конституционных демократов. Доклад Хеттнера в целом Веберу не понравился³. Краткое изложение дискуссии напечатала газета «Гейдельбергер Цайтунг» (Heidelberger Zeitung). Главное препятствие в продвижении России к конституционализму Вебер увидел в религиозной плоскости, поскольку отказ от самодержавия воспринимался русским крестьянством как грех. Вебер полагал: «Это религиозное представление устойчиво в крестьянстве, которое составляет четыре пятых населения, что делает невозможным сохранение конституционного устройства. Под давлением массы народа его просто сдует ветром. Поэтому только реформационное религиозное движение расчистило бы путь к конституционализму»⁴. Другой объект критики Вебера – династический принцип.

Событиям Первой русской революции он посвятил статьи «К положению буржуазной демократии в России» (Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland) и «Переход России к мнимому конституционализму» (Russlands Übergang zum Scheinkonstitutionalismus)⁵. Оба сочинения публикуются в журнале «Архив социальной науки и социальной политики» («Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik»), который Вебер редактировал вместе с В. Зомбартом и Э. Яффе⁶.

Веберовское понимание российских событий

Оно оценивается учеными по-разному. А.Б. Рахманов отмечает близость к материалистическому подходу Маркса и Энгельса⁷. По мнению А.С. Кустарева, на примере России Вебер оценивал возможность зарождения свободы не в сфере религиозного переживания, а в политическом процессе⁸. Ю.Н. Давыдов, П.П. Гайденко, Д. Кэслер, Д. Дальман настаивают на протестантской интерпретации свободы, как основы понимания Вебером событий Первой русской революции⁹.

Вебер приложил усилия для повышения своей компетенции в российских делах. В течение двух месяцев он учил русский язык и, в итоге, мог читать русскую прессу в оригинале. В Гейдельберге была читальня с периодическими изданиями из России: газеты «Новое время», «Русь», «Право». В сложных вопросах ему помогал находившийся тогда в Гейдельберге Б.А. Кистяковский. В рецензии на первое русское издание работы Вебера «К положению буржуазной демократии в России» отмечалось: автор показал «хорошее, хотя и одностороннее знание русской

³ Weber 1989. Bd. 10. Abt. 1: 695-696.

⁴ Ibid: 698-699.

⁵ Weber 1989. Bd. 10. Abt. 1.

⁶ Ростиславлева 2013: 88-103.

⁷ Рахманов 2012: 173.

⁸ Кустарев 2007: 7.

⁹ Davydov, Gaidenko 1995: 73; Kaesler 2014: 637; Dahlmann 2014: 36.

жизни и в интересных примечаниях к тексту своей работы дает много любопытных даже для нас характеристик русских политических деятелей, органов печати, наконец, различных общественных организаций, например Вольного русского экономического общества»¹⁰. В этой работе Вебера был сосредоточен на анализе проекта русской конституции, разработанной группой «Союз освобождения». В ней одобряется требование коренной реформы всего политического строя и жизни России; поддерживается ее обновление на основе демократического принципа и учета исторических особенностей русской национальной жизни; а также использование руководящих идей и опыта западноевропейских государств¹¹. Вебер также положительно оценил проект конституции партии кадетов, он писал: этот проект «является симптомом определенного политического образа мыслей наиболее деятельных русских идеалистов патриотов, лично которым принадлежат все наши симпатии, безотносительно к конечным результатам их труда»¹².

Восприятие Вебером свободы тесно связано с наследием Реформации, которая стала импульсом для развития индивидуализма, науки, образования и городской жизни. Об этом писал Ю. Каубе¹³. К началу XX в. наследие Реформации стало в Германии основой исторической традиции, а индивидуализм воспринимался, прежде всего, как свобода выбора. Определяя основы исторической традиции в России, Вебер видел их в православной церкви, крестьянской общине и абсолютной власти царя, воспринятой еще от татарских времен. Согласно Веберу, эта власть своими учреждениями еще столетие назад имела сильное сходство с империей Диоклетиана и не могла предпринять никакой исторически обоснованной и жизнеспособной реформы¹⁴. Он приветствовал провозглашенную в проекте «Союза освобождения» терпимость к религии в пределах существующего порядка, но к православной церкви относился скептически, полагая, что она не в состоянии проявить себя защитницей свободы против власти полицейского государства.

Вебер рассуждал в координатах западной традиции, связывая индивидуальную свободу со свободой выбора, рожденной в эпоху Реформации, которой в Россия никогда не было. Он задавался вопросом: какие силы в состоянии развить православную церковь, но выразил большие сомнения, что русские либералы сумеют это сделать, добившись ее эмансипации от бюрократии и утверждения в ней принципов самоуправления¹⁵. Вебер полагал, что политический индивидуализм, представленный в конституционном проекте «Союза освобождения», был обусловлен религиозными убеждениями, которые в России отвергались.

¹⁰ Вебер 1906. Форзац.

¹¹ Там же: 1.

¹² Там же: 8.

¹³ Kaube 2014: 175.

¹⁴ Вебер 1906: 21.

¹⁵ Ростиславлева 2017: 64-73.

Угрозу свободе в России Вебер видел и в развитии капитализма, который, вступив в индустриальную стадию, вызвал усиленную бюрократизацию и вел к несвободе. На Западе подобные процессы сглаживались, в его представлении, тем, что там благодаря Реформации была укоренена свобода выбора. В работе «Переход России к псевдоконституционализму» Вебер писал о том, что «династическое честолюбие при определенном составе правительства оставляет там мало места для великого реформатора, если бы он нашелся, как где бы то ни было, например, у нас»¹⁶. Чиновники не выдвигают из своей среды «государственных деятелей, способных осуществить большие реформы. Этому мешают уже одни династические амбиции, как и у нас в Германии»¹⁷.

Вебер не видел в России периода Первой русской революции возможности для политической реформы на принципах индивидуализма. Он писал: «...без сомнения, верно, что Россия “незрела” для истинно конституционной реформы, но причиной этого не являются либералы. Ибо при подобных отношениях придется все же сказать, что до тех пор, пока не будут даны совершенно другие «гарантии», не имеет в действительности никакого политического смысла мысль о “соглашении” земского либерализма с правительством»¹⁸. В представлении Вебера у свободы в России не было шансов, так как, интерпретируя ее в протестантском духе, он полагал, что без разрыва с исторической традицией успех либерализма невозможен. Именно опора на ценности протестантизма позволила в Германии сохранить значение свободы при капитализме как свободы выбора и самостоятельности действий. Шансы свободы, по Веберу снижались также из-за того, что в России отсутствовала раннелиберальная фаза этого феномена.

Между двух революций: «обновление России придет»?

Вебер сохранил интерес к России и в постреволюционный период. Так, 30 ноября 1908 г. он посетил собрание национал-либеральной партии в Гейдельберге, где выступал с докладом «Кайзер и имперская конституция» известный правовед Георг Еллинек. Выступая в дискуссии, Вебер заявил: «Если бы могущественная Россия имела демократическую конституцию, имела бы парламентаризм, можно было бы переживать <...> сейчас [она] для этого не слишком сильна, поскольку в России парламент и конституция не имеют никакого значения». Несколько месяцев спустя в конце февраля – начале марта 1909 г. в Саксонии из-за участия в запрещенных организациях были арестованы несколько русских студентов, что стало поводом для высказывания ежедневной либеральной российской газеты «Русские ведомости» о противодействии Германии либеральному движению в России. Газета в этой связи сослалась на публикацию дискуссии по докладу Г. Еллинека в «Гейдель-

¹⁶ Вебер 2007: 138-139.

¹⁷ Там же: 102.

¹⁸ Вебер 1906: 140.

бергер цайтунг», сопроводив ее таким комментарием: «Величайшее счастье для Германии, что в России современная конституция еще полностью не устоялась, и час обновления России еще не пробил. Обновленная Россия приобрела бы такую силу и власть, опирающуюся на моральное одобрение и воодушевление, которая была бы не сравнима ни с какой другой властью на континенте»¹⁹.

История получила продолжение. Корреспондент газеты «Русские ведомости» в Берлине Григорий Гроссман обратился к Веберу с просьбой о комментарии, поскольку позиция ученого вызвала у него удивление. Он писал: «В Москве живет много Ваших учеников и друзей, среди которых мой старинный друг доктор Кистяковский, и они, прочитав статью, конечно, привлекут внимание редакции к этой достойной сожалею ошибке»²⁰. После этого Вебер срочно подготовил ответ для газеты «Русские ведомости». Ответ был напечатан в газете «Русские ведомости» 17 (30) марта 1909 г. с разъяснениями редакции (на русский язык его, видимо, перевел Гроссман). В своем ответе, опубликованном на русском языке, Вебер подчеркнул: «Я не разделяю того взгляда, будто демократизация политического строя народов служит надежным средством к смягчению национальных антагонизмов». Он выразил мнение, «что обновление России придет и что поэтому в интересах Германии, чтобы это обновление пришло как можно скорее, чтобы мы как можно скорее имели возможность непосредственным участием обоих народов (von Volk zu Volk) разрешить разделяющие нас вопросы», подчеркнув: «все мои симпатии принадлежат русскому освободительному движению... Мне совершенно чужд какой-либо страх перед последствиями обновления России»²¹. Подписано: «С истинным уважением профессор Макс Вебер». В комментариях газеты по поводу заданного российской стороне высказывания Вебера было заявлено: «эти вырванные из общего контекста слова могли бы произвести ошибочное впечатление о его отношении как к свободной России, так и к ее соседу Германии...»²².

В годы Первой мировой войны Вебер довольно жестко высказывался о России²³. В ноябре 1916 г. в журнале «Хильфе» (Die Hilfe), кото-

¹⁹ Weber 1989. Bd. 10. Abt. 1: 685-686.

²⁰ Ibid: 686.

²¹ Ibid: 689-690.

²² Ibid: 687. В комментариях к полному собранию трудов М. Вебера указано: вскоре текст Вебера для «Русских ведомостей» был опубликован на немецком языке в газете «Нейе Бадише Ландесцайтунг» (Die Neue Badische Landeszeitung). Комментаторы, среди них Д. Дальман, полагают, что это, скорее всего, не авторский вариант, а перевод текста из «Русских ведомостей». Указано на использование нетипичных для Вебера формулировок: так, он обычно называл освободительное движение *Befreiungsbewegung*, тогда как в «Нейе Бадише Ландесцайтунг» оно обозначено как *Freiheitsbewegung*. Делается вывод: авторство Вебера не может быть полностью исключено, поэтому публикация должна сопровождаться указанием, что оригинальный текст ответа Вебера до нас не дошел. О дальнейших обстоятельствах подготовки, публикации и перевода данного текста ничего неизвестно.

²³ См об этом подробнее: Ростиславлева 2014: 136-145.

рый издавался его другом Фридрихом Науманом, был опубликован его доклад «Германия среди европейских держав». В этой публикации ученый указывал на политические основания войны. С одной стороны, в ней заинтересованы российская властная бюрократия и представители династии, с другой стороны, к ней подталкивала «панславистская легенда». Поэтому Россия мечтала о разрушении Австрии и господстве над всеми славянами, осложнял отношения с ней и «балтийский вопрос». Более того, Вебер писал: Россия «угрожает нашему существованию как национального государства. Так, если Англия может полностью парализовать нашу торговлю, <...> то Россия угрожает не только нашей государственности и всей нашей культуре, но и мировой культуре до тех пор, пока это так, как сейчас»²⁴. Он также рассуждал о значении культуры нации, не соглашаясь с тем, что война «увенчала государство нимбом»: «государство может многое, но не может обеспечить свободной преданности личности, без которой внутреннее возрождение Германии к началу войны было бы невозможно»²⁵. Вебер имел в виду «идеи 1914 года», «чудо августа 1914 года», когда все немецкое общество было воодушевлено начавшейся войной, сплотившись, по Веберу, для защиты своей культуры. Россию он называл опаснейшим соседом (*gefährlicher Nachbar*) и предвидел обострение этой ситуации. Он писал, что прочное взаимопонимание с Россией, безусловно, возможно, но только при серьезных изменениях основ ее политики: ограничение ее завоевательного натиска и изменение ее экспансионистской цели²⁶.

Подробно остановившись на экономических противоречиях Германии со странами Антанты в первом варианте доклада «Положение Германии в мировой политике» (он стал основой для статьи «Германия среди европейских держав») Вебер писал: «Говорят, что экономические интересы вызвали войну. Было ли это важно для Франции, Италии, Румынии, Сербии? Указывают на Англию. Но мы знаем, что каждый торговый договор с Россией вызывал военную угрозу. Россия требует принести в жертву наше сельское хозяйство. Говорят, что Англия выступает против сообщения между Берлином и Багдадом, но следует указать на то, что Россия хочет иметь Константинополь и унижить Турцию. Если бы мы стали подводить экономический баланс, то с Россией гораздо труднее, чем с Западом, даже с Англией»²⁷.

Анализ высказываний Вебера о России в годы войны свидетельствует, что ценностные суждения в них преобладали и оценки были довольно жесткими. Он был убежден: «мы должны быть великой державой и должны, чтобы иметь возможность обсуждать решение о будущем земли, вступить в эту войну. Ответственность перед историей молила о том, чтобы противодействовать разделению мира между “англосаксон-

²⁴ Weber 1984. Bd. 15. Abt. 1: 179-180.

²⁵ Ibid: 181.

²⁶ Ibid: 182.

²⁷ Ibid: 695.

ской конвенцией” и “русской бюрократией”»²⁸. Конечно, это суждение не вполне релевантно: шла война с Россией. Но Вебер полагал, что участие Германии в ней должно создать предпосылки для будущей германской мировой политики, а Россия угрожала экономике Германии, ее культуре и поэтому была центральным звеном критики Вебера.

Вебер о России после Февраля 1917 г.

На Февральскую революцию Вебер откликнулся статьей «Переход России к мнимой демократии», генетически связанной с его работами о революции 1905 г. Он не сомневался в неизменности основы политических отношений и, более того, полагал, что в результате революции в России усилится консерватизм. Его интересовало, как немецкая социал-демократия откликнется на российские события, полагая, что перенимать опыт российской «сегодняшней псевдодемократии» не стоит²⁹.

События Февральской революции Вебер рассматривал и в статье «Русская революция и мир» (опубликована 12 мая 1917 г. в «Берлинер Тагеблат»), показав свою осведомленность в российских делах. Он размышлял о позиции П.А. Милюкова, который осознал, что политика относительно целей войны вела к кризису внутри Временного правительства и углублению противоречий с Советом рабочих и солдатских депутатов. Правительство, которое хотело войны с Германией, повержено, что «означает изменение всего нашего положения относительно России»³⁰. Россия теперь пребывает не в империалистическом состоянии, в ней утвердилось федеративная демократия и это давало бы возможность жить с ней в мире и дружбе, «мы должны прекратить войну против нее, отказавшись от всех дальнейших гарантий». Вебер заявлял о своих симпатиях к русскому освободительному движению, но выражал сомнение в однозначной его оценке «пока ситуация такая, как сейчас»³¹.

Вебер упрекал русское правительство в двойной игре. Одни его члены поддерживают радикалов, склонных к почетному миру, а другие должны удовлетворять чаяния Антанты и империалистической буржуазии, что превращает политику Временного правительства в дипломатические качели (Schaukelsystem): часть правительства во главе с Керенским хотела бы мира без аннексий и контрибуций, а в качестве гарантий разоружение и арбитражные соглашения; другая часть во главе с министром иностранных дел Милюковым сохраняет верность империалистическим целям³². Вебер понимал, что «власть предерживающая корпорация» в России состояла тогда из «официального Временного правительства» и фактически существующего рядом Совета рабочих и солдатских депутатов, причем большинство правительства настроено империалистиче-

²⁸ Mommsen 1974: 209-210.

²⁹ Weber 1984. Bd. 15. Abt. 1: 260.

³⁰ Ibid: 289.

³¹ Ibid: 291.

³² Вебер ссылаясь на тайную переписку Милюкова, которая якобы изобличала его в связях с Антантой.

ски и видит возможность достижения мира только в результате победы. Особо негативно характеризовался Гучков: «Он вообще не думает стремиться к демократии и федерализму, так как именно против них в свое время и был основан Союз 17 октября в противоположность кадетам, по крайней мере тогда еще настроенным демократически и в определенной степени федералистски»³³. «Полностью охваченным романтикой империалистической идеи» Вебер считал Милюкова, правда, признавая за ним большие научные заслуги. Буржуазии он отказывал в демократичности из-за ее стремления к буржуазной монархии. Выразитель ее идей Милюков относительно целей войны стоял на тех же позициях, что и царь. В плане федерализма, по мнению Вебера, все обстояло еще хуже, так как ни Милюков, ни кадеты не поддерживали предоставление нерусским народам автономии с собственными парламентами и были связаны с «великорусской идеей» и «панславистской легендой»³⁴.

Эсера А.Ф. Керенского Вебер справедливо относил к радикальной части Временного правительства; отмечая возлагавшиеся на него надежды сторонников украинской автономии, он полагал, что в действительности тот не стремился серьезно проводить федерализм и, более того, не препятствовал империалистическим требованиям своих коллег. Вебер не сомневался в субъективной честности и достоинстве меньшевика Н.С.Чхеидзе, председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, но считал, что пока российский интеллигент прочно не вошел во власть, он настроен не просто «национально», а «националистически». Русский империализм может выступать в деспотических, либеральных или социалистических формах, поэтому для Германии уже не так важна форма. Главное, что это империализм³⁵.

Пристального анализа русского республиканизма мы в этих сюжетах не наблюдаем. В 1917 г. Вебер еще всецело стоял на монархических позициях, события в России его интересовали с точки зрения выхода ее из войны, т.е. национальный подход превалировал над политическим.

Можно ли утвердить в России демократию?

Вебер задавался вопросом, какие нужны гарантии, чтобы в будущем утвердить в России демократию? Этот вопрос его волновал и на немецком материале. В публицистических статьях лета 1917 г. он выступал за парламентаризацию, демократизацию и федерализацию Германии, связывая «возможность для нее “достойного мира” с решением внутривнутриполитических задач», и «для этого существует только единственная проверка, сможет ли Россия заставить своих союзников на основе своей собственной программы тотчас же начать переговоры о мире»³⁶. Приверженность Вебера ценности нации здесь определенно просматривается, но он это вуалировал, замечая, что у Германии интерес к заклю-

³³ Ibid: 293.

³⁴ Ibid: 292.

³⁵ Ibid: 294-295.

³⁶ См.: Ростиславлева. 2018: 124.

чению мира небольшой. Вебер доказывал: окончание войны не избавит Германию от проблем с продовольствием, так как наблюдается неурожай в мировом масштабе и импорт продовольствия в страну снизится, но в распоряжении Германии находятся хлебопроизводящие районы Румынии: «Это знает каждый в Германии, или мог бы знать»³⁷. Для русских демократов не было большим проявлением ума подозревать Германию в повышенном внимании к началу мирных переговоров.

Вебер утверждал, что истинная причина в промедлении с началом мирных переговоров – внутриполитические отношения в России: «Реакционные в социальном отношении элементы Думы и Временного правительства, среди которых важную роль играют помещики, должны сначала укрепить свое собственное положение во власти»³⁸. Вебер советовал, как этого достичь. По его мнению, во-первых, необходимо подавление крестьян, которые требуют бесплатной раздачи частной собственности – земель помещиков. Во-вторых, деньги, которые можно получить, если собственные банки и крупная промышленность или структуры Антанты их вернут. Вебер призывал Россию все силы направлять на борьбу с внутренним врагом, а не с внешним. Но чтобы остаться во власти «думское правительство», по его мнению, продолжало войну, и это спасало русскую «плутократию». Будущий созыв Учредительного собрания он называл «обманом», а шансы радикальных членов правительства на утверждение своей власти оценивал отрицательно, заявляя, что, поддерживая двоевластие и участвуя в империалистических демонстрациях, «они сами роют себе могилу». Ввиду всего этого Вебер объяснял положение Германии тяжелым, но несмотря ни на что, «германское правительство будет делать все, что честно и к тому же политически правильно»³⁹. Как националист, Вебер желал для Германии скорейшего выхода России из войны и критиковал Временное правительство и другие российские политические силы за то, что это не происходит.

С конца 1917 г. гораздо больше внимания Вебер уделял вопросам мирного урегулирования, полагая, что думское руководство продолжает войну, чтобы удержаться у власти. Ученый усматривал здесь демонстрацию империалистических целей России и осознавал всю опасность этого для Германии, но полагал в мировой войне глубокий исторический смысл. Видя причину войны в движении Германии к статусу могущественного государства, он считал, что его родина делала это не из тщеславия, а вследствие ее ответственности перед историей, перед мировой культурой. Главным врагом Германии в фокусе этой идеи Вебер считал Россию, в которой видел угрозу общему культурному развитию Запада. Как блестящий интеллектual, превыше всего уважавший ценности нации и западной либеральной демократии, Вебер, видимо, предвидел новое глобальное столкновение России и Германии. К веберов-

³⁷ Ibid: 296.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibid: 296-297.

скому наследию после Второй мировой войны апеллировал в своих работах Эрнст Нольте⁴⁰. Впрочем, в разгоревшемся в 1986 г. так называемом «споре историков» его позиция была признана маргинальной⁴¹.

Как известно, на становление национал-социализма повлияла идеология «консервативной революции», в рамках которой Россия становится символической фигурой, определявшей идентичность либо в русофобской, либо в русофильской традиции⁴². Поэтому однозначно интерпретировать русофобскую позицию Вебера не стоит. Культура была одной из его ведущих ценностных установок, которая во многом определяла его восприятие России. Но в отличие от О. Шпенглера, связывавшего бедственное положение России с деятельностью Петра I, Вебер русский национальный путь развития не поддерживал.

После поражения Германии в мировой войне

С начала декабря 1918 г. Вебер в своих выступлениях, агитирующих голосовать за Германскую демократическую партию, членом которой он был, обсуждал вопрос о виновниках войны. Поводом послужила публикация К. Эйсером выдержек из актов баварской дипломатической миссии, осуществленная без одобрения германского правительства. Основная ее мысль – Германия одна виновата в развязывании войны. В немецком обществе сложилось мнение, что перед началом работы Парижской мирной конференции такая позиция могла быть расценена как слабость Германии. 29 ноября 1918 г. германское правительство потребовало создать специальную комиссию, которая взвешенно могла бы заняться этим вопросом. Вебер поддержал данную инициативу, хотя не был уверен в том, какие документы в итоге будут выявлены.

Вопросу вины и ответственности за развязывание войны Вебер посвятил статью «О виновниках войны» (*Zum Thema der "Kriegsschuld"*), опубликованную в газете «Франкфуртер цайтунг» 17 января 1919 г., за день до начала Парижской мирной конференции. Публикация на страницах влиятельной газеты позволяет утверждать: статья была одобрена авторитетными кругами, близкими к министерству иностранных дел Германии. Известно, что Вебер имел контакты с правовым экспертом министерства В. Симонсом. Во многом статья создана в русле неприятия социал-демократии, прежде всего, К. Эйснера. Публикация вызвала бурную критику даже со стороны немецких редакторов, резкость мнения Вебера отмечала швейцарская «Национал цайтунг» („National-Zeitung“). Очевидно, это связано с тем, что тот всю ответственность за развязывание Первой мировой войны возложил на Россию и западные державы⁴³. Однако, по мнению Вебера, существовала только одна держава, которая несмотря ни на что желала войны, поскольку она отвечала ее

⁴⁰ Нольте 2003.

⁴¹ Wehler 1988.

⁴² Женин 2007.

⁴³ Weber 1988. Bd. 16. Abt. 1: 179.

политическим целям, – это Россия с ее царизмом⁴⁴. Ученый утверждал: Англия из соображений культуры не может быть названа главным виновником войны⁴⁵. Почему такая безапелляционность и жесткость в суждениях о России? Вебер с болью размышлял о насильственном мире в контексте вины будущего. Он не принял Версальский мирный договор, и заявлял: «с этим миром мы находимся в начале наших бедствий. Ведь его условия совершенно невыполнимы»⁴⁶. Определяя вину, он обратился к истории происхождения европейских войн XIX в. и полагал, что они были вызваны стремлением Италии и Германии к единству, т.е. продиктованы ценностью нации⁴⁷. Война 1914 г. была, по его мнению, вызвана политическими причинами, прежде всего жадной господства, которая для него была сутью российского царизма и лично царя, т.е. для России стремление к войне было абсолютно естественным⁴⁸.

Вебер заинтересованно отнесся к революционным преобразованиям в России, но пытался вписать ее в свою систему координат. Понимая свободу как свободу выбора, он отказывал России в продвижении к свободе в результате проводимых ею преобразований. Если иметь в виду Октябрьский переворот 1917 года, то Вебер, пожалуй, был прав.

В годы Первой мировой войны именно невозможность, с его точки зрения, выстраивания в России западной конституционной модели заставляла Вебера считать ее угрозой мировой культуре. Такая рецепция России выдержана вполне в духе веберовского рационализма, с позиций которого он оценивал и Запад, и его отношения с восточным соседом.

Летом 1920 г. Вебер ушел из жизни и осмысление роли России и прежде всего роли большевизма для Германии консервативными интеллектуалами Веймарской республики свидетельствует о том, что позиция либерального ученого была отринута, что отчасти повлияло на трагедию, которая пережила Веймарская демократия в 1933 г.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Вебер М. Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии. Киев: б.и., 1906 [Weber M. Istoricheskiy ocherk osvoboditel'nogo dvizheniya v Rossii i položeniye burzhuaznoy demokratii. Kiev: [s.n.], 1906].
- Вебер М. О Германии и свободной России // Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 10. Abteilung I. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1989. S. 685-686 [Weber M. O Germanii i svobodnoy Rossii // Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 10. Abteilung I. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1989. S. 685-686].
- Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму // Вебер М. О России. М.: РОСС-ПЭН, 2007. С. 56-104 [Weber M. Perekhod Rossii k psevdokonstitutsionalizmu // Weber M. O Rossii. Moscow: ROSSPEN, 2007. S. 56-104].
- Вебер, Марианна. Жизнь и творчество Макса Вебера. М.: РОССПЭН, 2007 [Weber, Marianna. Zhizn i tvorchestvo Maksa Webera. Moscow: ROSSPEN, 2007].

⁴⁴ Ibid: 183.

⁴⁵ Ibid: 180.

⁴⁶ Вебер, Марианна 2007: 539-540.

⁴⁷ Weber 1988. Bd. 16. Abt. 1: 182-183.

⁴⁸ Ibid: 183.

- Женин И.А. Русская тема в сочинениях идеологов «консервативной революции» // *Cogito: альманах истории идей*. Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 2007. Вып. 2. С. 306-328 [Zhenin I.A. Russkaya tema v sochineniyakh ideologov "konservativnoy revolyutsii" // *Cogito: almanakh istorii idey*. Rostov/D: NMC «Logos», 2007. Issue 2. S. 306-328].
- Козер Л.А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М.: Норма, 2006 [Coser L.A. Mastera sotsiologicheskoy mysli. Idei v istoricheskom i sotsialnom kontekste. Moscow: Norma, 2006].
- Кустарев А. Макс Вебер, русская революция, вестернизация // *Космополис*. 2005. № 3/13 [Kustarev A. Maks Weber, russkaya revolyutsiya, vesternizatsiya // *Kosmopolis*. 2005. 3/13].
- Кустарев А. Предисловие // Вебер М. О России. М.: РОССПЭН, 2007. С. 5-13 [Kustarev A. Predisloviye // Weber M. O Rossii. Moscow: ROSSPEN, 2007. S. 5-13].
- Нольте Э. Европейская гражданская война 1917-1945 гг. Национал-социализм и большевизм. М.: Логос, 2003 [Nolte E. Yevropeyskaya grazhdanskaya voyna 1917-1945 gg. Natsional-sotsializm i bolshevizm. Moscow: Logos, 2003].
- Рахманов А.Б. Социальная философия Макса Вебера. Метаморфозы и кризисы. М.: УРСС; КРАСАНД, 2012 [Rakhmanov A.B. Sotsialnaya filosofiya Maksa Vebera. Metamorfozy i krizisy. Moscow: URSS, KRASAND, 2012].
- Ростиславлева Н.В. Дискурсы свободы в восприятии Максом Вебером России в 1905-1906 гг. // *Диалог со временем*. 2013. Вып. 45. С. 88-103 [Rostislavleva N.V. Diskursy svobody v vospriyatii Maksom Weberom Rossii v 1905-1906 gg. // *Dialog so vremenem*. 2013. No. 45. S. 88-103].
- Ростиславлева Н.В. Макс Вебер в годы Первой мировой войны // *Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Всеобщая история»*. № 13(135). М., 2014. С. 136-145 [Rostislavleva N.V. Maks Weber v gody Pervoy mirovoy voyny // *Vestnik RGGU. Series: «History science. World History»*. 2014. No. 13(135). S. 136-145].
- Ростиславлева Н.В. Макс Вебер о факторах «достойного мира (1916-1919)» // *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. № 10 (43). М., 2018. С. 119-130 [Rostislavleva N.V. Maks Veber o faktorakh «dostoyного mira (1916-1919)» // *Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedeniye»*. № 10 (43). М., 2018. S.119-130].
- Ростиславлева Н.В. Христианский этос в размышлениях Макса Вебера о России // *Христианство в общественной, политической и духовной жизни Германии в XX веке*. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 64-73 [Rostislavleva N.V. Khristianskiy etos v razmyshleniyakh Maksa Webera o Rossii // *Khristianstvo v obshchestvennoy, politicheskoy i dukhovnoy zhizni Germanii v 20 veke*. Moscow, Berlin: Direkt-Media, 2017. S. 64-73].
- Dahlmann D. Max Weber und Russland // *Max Weber in der Welt. Rezeption und Wirkung*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2014. S. 81-102.
- Davydov Jurij, Gaidenko Piama. Russland und der Westen. Frankfurt am Main: Surkamp, 1995.
- Kaesler D. Max Weber. Preuße, Denker, Muttersohn. Einen Biographie. München. Verlag C.H. Beck, 2014.
- Kaube J. Max Weber. Ein Leben zwischen den Epochen. Berlin: Rohwolt, 2014.
- Mommsen W. Max Weber und die deutsche Politik. 1890-1920. Tübingen: Mohr Siebeck, 1974.
- Weber M. An der Schwelle des dritten Kriegsjahres // *Weber M. Gesamtausgabe Bd. 15. Abteilung I. Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914-1918*. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck) 1984. S. 648-689.
- Weber M. Deutschland unter den europäischen Weltmächten // *Weber M. Gesamtausgabe Bd. 15. Abteilung I. Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914-1918*. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1984. S. 161-194.
- Weber M. Deutschlands weltpolitische Lage // *Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 15. Abteilung I. Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914-1918*. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1984. S. 690-700.
- Weber M. Die russische Revolution und der Friede // *Weber M. Gesamtausgabe Bd. 15. Abteilung I. Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914-1918*. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1984. S. 289-297.
- Weber M. Russlands Übergang zum Scheinkonstitutionalismus // *Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 10. Abteilung I. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1989. S. 281-684.*

- Weber M. Russlands Übergang zur Scheindemokratie // Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 15. Abteilung I. Zur Politik im Weltkrieg. Schriften und Reden 1914-1918. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1984. S. 236-260.
- Weber M. Über Deutschland und das freie Russland. Editorischer Bericht. Zur Entstehung // Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 10. Abteilung I. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1989. S. 685-694.
- Weber M. Zum Thema der „Kriegsschuld“ // Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 16. Abteilung I. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1988. S. 177-189.
- Weber M. Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland // Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 10. Abteilung I. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1989. S. 71-280 [Русский перевод: Вебер М. Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии. Киев, 1906].
- Weber M. Zur Rede Alfred Hetner über “Das europäische Russland. Volk, Staat und Kultur”. Editorischer Bericht // Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 10. Abteilung I. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1989. S. 695-700.
- Wehler H-U. Entsorgung der deutschen Vergangenheit? Ein polemischer Essay zum „Historikerstreit“. München: Beck, 1988.

***Ростиславлева Наталья Васильевна**, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, профессор, кафедра всеобщей истории, Москва, Россия; ranw@mail.ru*

Max Weber about Russia in 1906-1918

The article is devoted to the attitude towards Russia of a prominent German sociologist Max Weber. The author shows when the scholar's interest in Russia was born, when his first speeches on the Russian theme took place. During the first Russian revolution, Weber published his first works on Russia, in which he argued that Russia was “immature” for a truly constitutional reform, since it had no traditions of freedom. Between the two revolutions, the scholar continued to reflect on the possibilities of renewing Russia but tended to the fact that the parliament and the constitution were irrelevant in Russia. During the First World War, Weber's position on Russia was tightened. He considered it as a threat to the German's culture and world culture in general, put Russia on a charge of expansionism and supposed that it was the main threat to Germany. After the February Revolution of 1917, he blamed all Russian political forces for imperialism and supposed that in order to establish democracy Russia should immediately begin peace negotiations. After the end of the First World War, Weber insisted that Russia was a main war culprit.

Keywords: Max Weber, Russia, Germany, traditions of freedom, First World War's culprits

***Natalia V. Rostislavleva**, Dr. in History, professor; Russian State University for Humanities, Moscow, Russia; ranw@mail.ru*